

18+

Дмитрий Романцев

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПАМЯТИ

ОТТЕПЕЛЬ 2048

Дмитрий Романцев

**Последний день
памяти. Оттепель 2048**

«Издательские решения»

Романцев Д. А.

Последний день памяти. Оттепель 2048 / Д. А. Романцев —
«Издательские решения»,

Весна возвращает в мир траву, тепло — и новую болезнь, заставляющую людей забывать своих. След ведёт к Ордону Света, системе, которая когда-то спасала людей и слишком хорошо научилась решать за них. «Оттепель 2048» — роман о памяти, власти и цене правильных решений.

Содержание

Дисклеймер	6
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПАМЯТИ	8
Что было раньше	8
2042—2048. Шесть лет	9
Тобиас	12
Часть первая. Талая вода	15
Глава 1. Винсент. Свет	15
Глава 2. Лиза. Ортодоксы	18
Глава 3. Оскар. Аномалия	20
Глава 4. Юрген. Список	21
Глава 5. Алекс. Шум	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Последний день памяти. Оттепель 2048

Дмитрий Александрович Романцев

© Дмитрий Александрович Романцев, 2026

ISBN 978-5-0071-1546-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

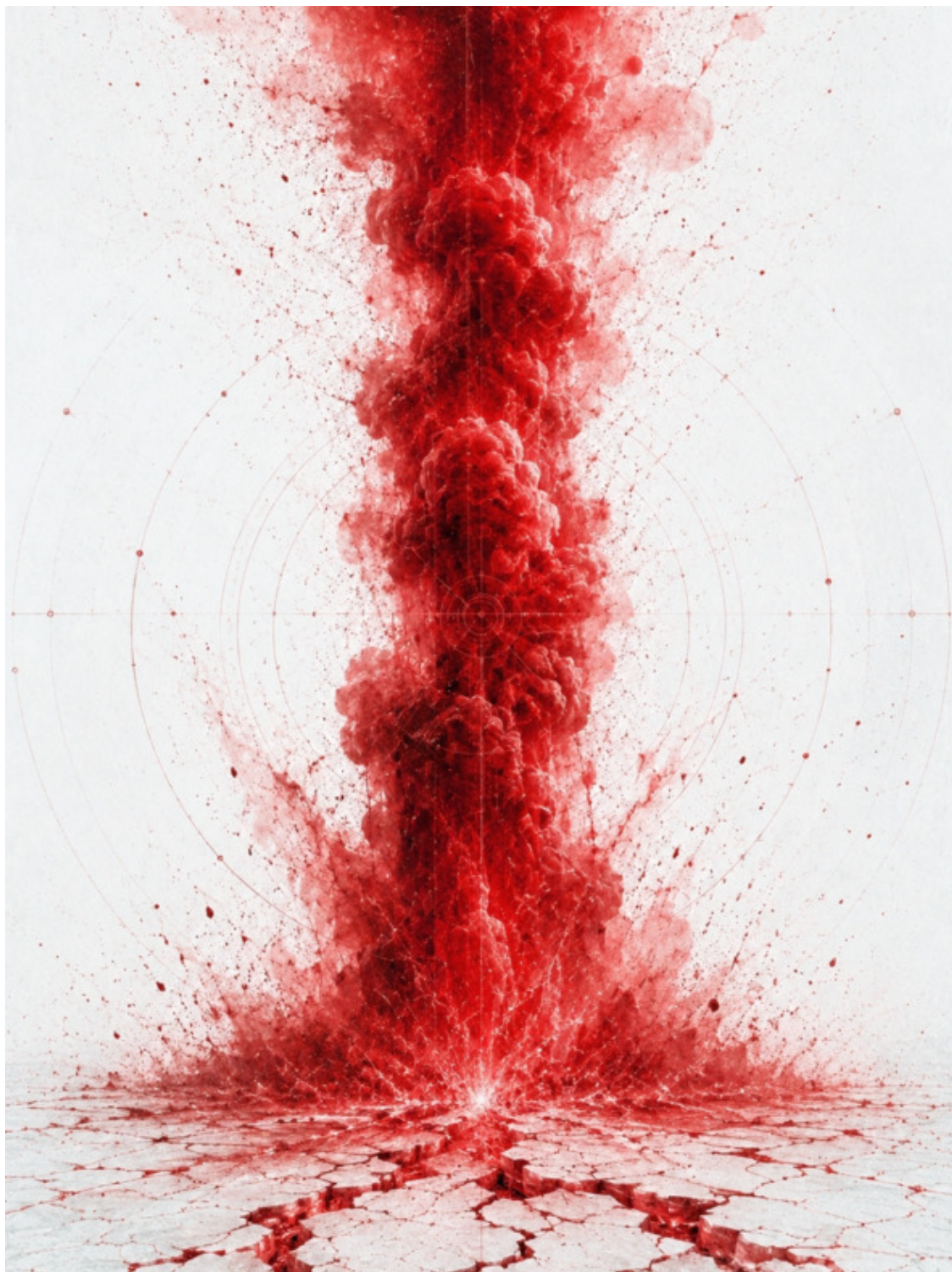
Дисклеймер

Все события и персонажи данного произведения являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями, научными разработками или историческими событиями случайны.

Автор не ставит целью пропаганду каких-либо политических, религиозных или идеологических взглядов. Описанные технологии, медицинские эксперименты и социальные модели представлены исключительно в рамках художественного замысла.

Произведение носит философско-фантастический характер и предназначено для осмысления тем памяти, ответственности и человеческой природы в условиях кризиса цивилизации.

События происходят в альтернативной реальности и не отражают конкретные страны или правительства.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПАМЯТИ

ОТТЕПЕЛЬ 2048

Книга третья

Что было раньше

В 2040 году человечество начало терять память.

Люди забывали имена, семьи, профессии, собственную жизнь. Массовая вакцина V2 спасала не всех. Закрытый препарат «Новый пастух» предназначался для тех, кого заранее решили сохранить.

Винсент Бёрн очнулся без прошлого, но с телом, которое помнило оружие, опасность и командование. Позже он вернул имя, семью и часть прошлого, но в памяти остались большие провалы.

Лиза Миллер выживала рядом с ним, пока необходимость не начала слишком легко объяснять всё.

Оскар Нойт искал правду о гибели брата Макса.

Алекс Крушени слушал эфир.

Юрген строил убежища и однажды отказался решать, кто достоин в них остаться.

Их расследование привело к Крейгам, Ковчегам и проекту нового мира, где немногие получили право выбирать, кого сохранить.

Потом пришёл Пепел.

Йеллоустоун закрыл небо.

Началась долгая зима.

К концу 2042 года Гнездо и северный Архив нашли друг друга по радио. К этому времени Оскар уже узнал, что Финн, работавший рядом с ним, участвовал в убийстве Макса. Оскар, Лиза и Алекс решили молчать и наблюдать дальше.

С Юргеном из Ковчега вышел Саймон — муж Лизы и сын Роберта Крейга.

Он почти ничего не помнил.

Так, по крайней мере, думали остальные.

Между Гнездом и Архивом лежали две тысячи семьсот километров, снег и почти мёртвый континент.

Эфир оказался короче дороги.

2042—2048. Шесть лет

Сначала это не называли Орденом.

Был утренний сеанс связи с Архивом. Вечерний — с Гнездом. Были списки лекарств, семян, фильтров, аккумуляторов и людей, способных пройти хотя бы часть дороги между ними.

В первый год караваны чаще не доходили. На второй научились оставлять промежуточные склады. На третий однажды бумажное письмо приехало раньше радиограммы. Алекс неделю считал это личным оскорблением.

Название появилось позже.

Люди спрашивали, как теперь называть сеть поселений.

Винсент ответил:

— Никак. Работает — не трогайте.

Кейл записал вторую половину.

Через месяц в учебном корпусе висело:

РАБОТАЕТ — НЕ ТРОГАЙ

Через год уже никто не помнил, о чём шла речь.

Орден Света родился примерно так.

Гнездо дало ему название и привычку говорить о Свете. Архив — стены, лаборатории, склады и людей, умевших превращать временное решение в пункт инструкции.

Появились школы. Единые караулы. Общие запасы. Совет.

Центр постепенно ушёл на север. Там было больше оборудования, книг и тепла. Винсент ездил между поселениями, пока дорога не стала слишком дорогой. Потом остался там, где его голос требовался чаще.

Дорн пришёл в Орден в первую зиму. На руках у него была младшая сестра с воспалением лёгких. Антибиотики успели прийти последним южным караваном. Она выжила.

После этого Дорн перестал считать расписание бумагой.

Он запоминал слова Винсента лучше самого Винсента.

Сначала переживём ночь, потом будем спорить.

Работает — не трогай.

Сначала это были фразы.

Потом правила.

Первое время у Ордена был враг.

Крейги сидели в Ковчехах — семь, может, восемь, по словам Эриха. Одни молчали. Другие продолжали выходить на старые частоты и отдавать приказы так, будто прежняя система всё ещё существовала.

Когда связь между Гнездом и Архивом превратилась в дорогу, Эрих перебрался на север. В Гнезде его называли куратором. В Ордене постепенно появилось другое имя — светлейший. Сначала почти в шутку. Потом без шутки.

Первые годы Орден называл своей главной работой зачистку сети Крейгов. Алекс собирал частоты и ретрансляторы. Юрген помнил устройство Ковчегов. Архив поднимал старые схемы. Винсент собирал группы и маршруты.

Один объект открылся после отключения внешнего снабжения. Другой оказался почти пустым. У двух стреляли. Чаще внутри находили не «Крейгов», а людей, которые слишком долго жили по их приказам.

Инструкции менялись вместе с задачей: сначала «для объектов сети Крейга», потом «для враждебных закрытых объектов». Потом имя Крейга исчезло.

Ковчег-1 исчез раньше, чем до него добрались. Он замолчал, ретранслятор погас, известные подходы после Пепла оказались завалены. Две группы дошли до района и вернулись: входа не нашли. Роберта Крейга не нашли ни среди мёртвых, ни среди живых.

В Архиве с 2042 года держали три колонии Ixodes, первоначально выращенные для воздухозабора Ковчег-1. Совет отложил выпуск. Когда Ковчег исчез, колонии не уничтожили.

Позже одна из оставшихся групп Крейгов заняла узел снабжения и дважды обстреляла караван. Совет разрешил выпуск на внешнем периметре.

Через неделю узел опустел. Орден вошёл без боя. Ни один их человек не погиб.

В отчёте Оскар написал: «заражение». Кейл заменил на «регулирующее воздействие». В итоговый протокол вошло Кейлово.

Когда известная сеть Крейгов почти исчезла, лаборатория осталась.

Первую регуляцию против людей, которых никто не связывал с Крейгами, Лиза помнила хорошо.

На столе лежала карта. Южная развилка. Семьдесят три человека. Никого из них за столом не было.

Поселение стояло возле дороги, по которой Орден возил соль и лекарства. Грузы несколько раз отбирали. Одного проводника избили. Снабжение требовало решить проблему.

На бумаге это уже называлось привычно:

РЕГУЛЯЦИЯ.

Лиза долго смотрела на слово.

— Что с ними будет?

Оскар поправил очки.

— Часть заболевает. У части будут провалы памяти. Некоторые уйдут с дороги. Точный результат неизвестен.

— То есть мы заразим людей, чтобы освободить дорогу.

Оскар посмотрел на неё.

— Да.

Совет голосовал.

Винсент поднял руку.

После заседания Лиза догнала его.

— Ты сейчас решил судьбу семидесяти трёх людей, которых никогда не видел.

— Я решил судьбу дороги, по которой живут наши.

Лиза остановилась.

— Вот именно.

Потом регуляции повторялись. Сначала редко. Потом по необходимости. Потом по графику.

Иногда закрытая дорога действительно спасала сотни.

Поэтому отказаться от неё становилось всё труднее.

Через два года после Пепла умер Эрих — светлейший Ордена.

Совет хотел сообщить сразу. Решили дождаться конца холодной недели. Потом выдачи пайков. Потом нового порядка преемства.

Винсент согласился один раз сказать людям:

— Светлейший просит держаться.

Второй раз было легче.

Через год Лиза пришла на заседание с дорожной сумкой.

На столе лежал очередной план регуляции.

Не чрезвычайный.

Квартальный.

Винсент посмотрел на сумку.

— Это что?

— Вещи.

— Вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Ты уходишь?

— Да.

— Из-за этого выпуска?

Лиза посмотрела на таблицу.

— Из-за того, что у нас теперь есть расписание, когда травить людей.

— Там не наши.

Фраза вышла раньше мысли.

Лиза посмотрела на него.

Винсент услышал себя.

— Не это хотел сказать.

— Знаю.

Она подняла сумку.

— Поэтому ухожу сейчас.

— Куда?

— На юг. Со мной сорок три человека.

— Ты уже решила.

— Училась у лучших.

По уставу он мог закрыть ворота.

Не закрыл.

— Что нужно на дорогу?

Лиза помолчала.

— Соль. Две канистры.

— Возьмёшь.

Она ушла утром.

Через три года в её лагере было двести восемнадцать человек. В Ордене — школы, лаборатории, склады, молитвенные часы и правила на стенах.

Винсент всё ещё считал, что удерживает систему от худшего.

Лиза всё ещё не была уверена, что однажды не придётся вернуться и проверить.

Потом снег начал сходить.

Появилась первая трава.

Вместе с ней вернулись клещи.

Тобиас

Его звали Тобиас Ренн.

Раньше он ремонтировал лифты. Был женат. У него было двое сыновей.

Теперь он помнил только последнее.

Двое.

Один смеялся громче другого.

Имена исчезли.

На одной из застав Тобиасу когда-то ввели препарат и сказали, что память вернётся. Вернулась частично. Потом застава ушла на север. Остальное пришлось оставить как есть.

Шёл седьмой год серого неба.

Но последние две весны снег наконец начал отступать. Под ним показывалась земля. Чёрная. Мокрая. Живая.

Сначала появилась трава. Потом насекомые. Потом мелкие звери.

Люди называли это хорошим знаком.

Тобиас держал коз. Когда пошла трава, стало больше молока. Из молока он делал сыр и менял его на соль, патроны и лекарства у тех, кто проходил мимо.

Проходили теперь чаще.

Утро ничем не отличалось от остальных.

Тобиас доил козу возле загона. Почувствовал на шее лёгкое прикосновение. Провёл рукой.

Между пальцами осталось маленькое тёмное тело.

Клещ.

Тобиас раздавил его двумя камнями, которые нашёл рядом.

Клещей в эту весну было много.

Говорили:

где клещи — там тепло.

где тепло — там жизнь.

Три дня ничего не происходило.

На четвёртый начался жар.

Тобиас решил, что простыл. Лёг.

К вечеру стены дома стали похожи на лифтовую шахту. Он долго искал кнопку вызова.

Не нашёл.

На пятый день понял, что один не справится. В полукилометре жила семья. Тобиас дошёл туда пешком.

Постучал.

Открыла женщина.

Увидела его.

Отступила.

Сама ещё не знала, почему.

Тело поняло раньше.

Тобиас хотел сказать:

— Мне плохо.

Слова он помнил.

Но между мыслью и ртом что-то уже перестало работать.

Получился только звук.

Дальше Тобиас не помнил ничего.

И уже не вспомнил.

Женщина запомнила.

Он вошёл в дом. Не узнавал людей. Не чувствовал ударов. Не реагировал на собственную кровь.

Старуха-мать погибла первой.

Потом муж.

Женщина успела увести ребёнка в погреб. Они держали дверь изнутри, пока наверху не стало тихо.

Позже она решила, что появилась новая болезнь.

Обычная.

Дикая.

Пришедшая вместе с теплом.

Она ошиблась только в одном.

Болезнь не была дикой.

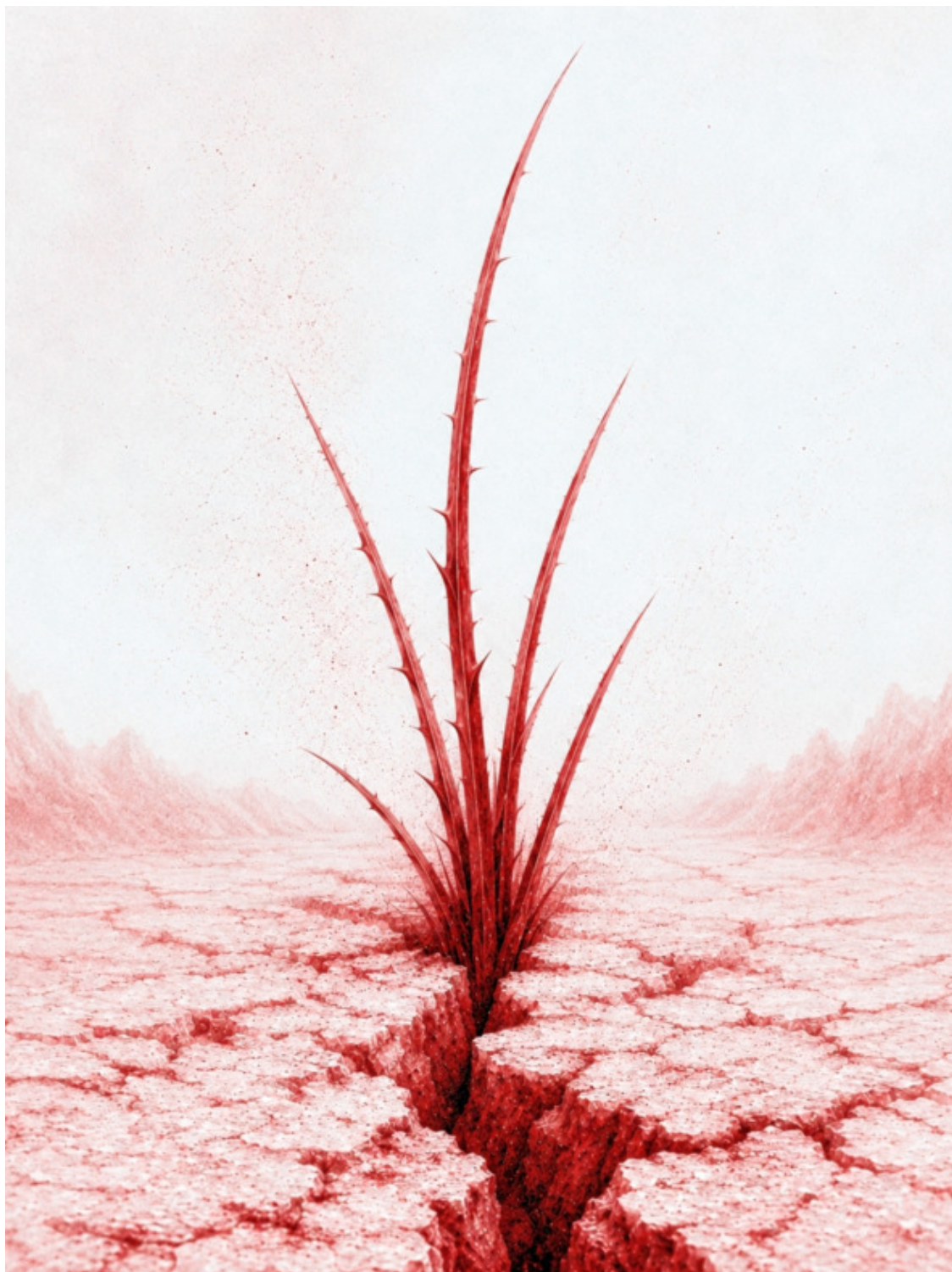
Кто-то выращивал её в чистом помещении. Следил за температурой. Записывал результаты. Исправлял ошибки.

И однажды решил, что она готова.

Над долиной вставало серое утро.

Трава за ночь поднялась ещё немного.

В шерсти коз, в крови мелких зверей и в первой весенней зелени уже ползло то, чему было всё равно, кого люди называют своими.

Часть первая. Талая вода

Глава 1. Винсент. Свет

Винсент стоял на помосте и говорил слова, которые когда-то сказал случайно.

— Свет ведёт.

Ангар ответил:

— Свет ведёт.

Гул поднялся под металлическую крышу и вернулся уже чужим.

На стенах висели карты, таблицы посевов, списки дежурств и правила Ордена. Одно Винсент видел особенно хорошо:

НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ ПЕРЕД ТЕМНОТОЙ. СВЕТ ВСЕГДА
ДАЛЬШЕ.

Фраза казалась знакомой. Он не помнил, чтобы говорил именно так.

За спиной висела одна из первых святынь Ордена — ламинированная инструкция из старого мира:

«Не стирайте шерсть в горячей воде. Используйте режим деликатной стирки».
Когда-то лист просто отложили среди уцелевших бумаг. Теперь рядом висело:

СЛОВО ПРОШЛОГО СОХРАНЯЕТ БУДУЩЕЕ

Этого Винсент точно не говорил.

Он закончил речь раньше утверждённого текста.

— Всё.

В зале повисла пауза.

— Свет ведёт, — подсказал кто-то.

— Да. Он самый.

Кейл встретил его у выхода с папкой.

— Верховный.

— Если там оставшиеся страницы речи, сожги.

— Южная граница.

Винсент остановился.

Тёплый Лог. Небольшое поселение у старой протоки. Не Орден. Торговали шкурами и сушёной рыбой.

— Что случилось?

— Жар. Потом буйство. Люди перестают узнавать своих. Пятеро мертвы. Возможно, больше.

— Дозор заходил?

— Нет. Поставил «наблюдаем». По пункту девять-б.

— Какому?

Кейл открыл папку.

Под пунктом стояла старая пометка:

«Пока не лезут к нам — не лезем к ним. В.»

Винсент вспомнил первую зиму после объединения. Людей и топлива не хватало. Они физически не могли идти на каждый крик о помощи.

Шесть лет спустя усталая фраза стала инструкцией.

— Оставляем наблюдение? — спросил Кейл.

— Нет. Принеси все вспышки за два месяца. Не сводку. Всё.

— Там много.

— Значит, принесёшь много. И текущий план регуляции.

Кейл закрыл папку.

На улице с крыш капало. Между бараками текли ручьи.

Орден жил на тридцать две минуты позже солнца. Старые большие часы когда-то отставали; по ним построили расписание, потом сверили новые часы, и ошибка размножилась.

Оскар предлагал исправить. Совет обсудил смены, питание, уроки и молитвенные часы и решил не трогать.

Винсент тогда сказал:

— Если ошибка работает шесть лет, это уже порядок.

Через неделю фраза появилась на стене.

Дома Марина перебирала сушёные травы. На столе стояла маленькая чашка мёда.

— Последний, — сказала она.

— Тогда зачем?

— Потому что последний.

Винсент намазал совсем немного.

— Ешь нормально. Обратно всё равно не положишь.

Он добавил.

— Пчёл мало, — сказала Марина. — Если рой не переживёт весну, следующей зимой мёда не будет.

— Переживёт.

— Ты говоришь так, будто можешь приказать пчёлам.

— Я верховный Ордена.

— Пчёлы не проходили курс.

Из-под куртки торчал край отчёта.

Марина заметила.

— Что случилось?

— Пока ничего.

— Твоё любимое название для того, что уже случилось.

Он рассказал про вспышки.

Марина перестала перебирать траву.

— Как тогда?

— Похоже. По плану — нет.

— Намного спокойнее.

— Проверю.

— Винс.

— Что?

— Не говори потом, что не хотел знать.

Вечером он забрал Лилию у Штокка.

Старик рассказывал ей о Лете.

— Попил — забыл, — сказал Штокк.

— Даже маму?

— Даже себя.

— Глупая река.

— Очень удобная.

— А другая была? — спросила Лилия.

— Мнемозина. Память.

— Из неё выпьешь и всё вспомнишь?

Штокк покачал головой.

— С памятью хуже. Забвению дали целую реку. Памяти — работу.

По дороге домой Лилия прыгала через лужи. Потом спросила:

— Пап, мы из какой реки пили?

— Мы?

— Все.

— Ни из какой.

— А почему тогда половина ничего не помнит?

— Так получилось.

Она немного помолчала.

— Ты ночью говоришь.

Винсент остановился.

— Что?

— Имена. Цифры. Вчера сказал: «второй вход чистый».

— Мама слышала?

— Она не спит, когда ты говоришь.

У учебного корпуса висела та самая табличка:

НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ ПЕРЕД ТЕМНОТОЙ. СВЕТ ВСЕГДА
ДАЛЬШЕ.

Внизу:

ВИНСЕНТ, 2044

И он вспомнил.

Перегорел генератор. Двое ремонтников боялись идти в тёмный тоннель. Он дал одному свечу и сказал:

«Не стой в темноте. Свет дальше, за поворотом».

Вот и всё.

Винсент сорвал табличку.

— Что делаешь? — спросила Лилия.

— Исправляю историю.

К вечеру Кейл принёс старые отчёты и план регуляции.

Тёплого Лога в нём не было.

Глава 2. Лиза. Ортодоксы

Утро началось с каши.

Не с болезни, не с Крейга, не с конца света.

С каши.

Две женщины спорили, чей котёл должен стоять на огне первым. Лиза выслушала обеих, отдала первый огонь той, у кого дети младше, второй — другой после полудня.

— Это наказание или награда? — спросила та.

— Управление персоналом.

Лагерь занимал южный склон.

Когда-то их было сорок три. Теперь — двести восемнадцать.

Палатки сменились землянками. Потом появились бараки, крытая кухня, мастерская, баня. На верёвках висели пелёнки и штаны. Люди снова начали спорить о мелочах — роскошь, которую Лиза ценила больше, чем признавала.

Лютик шёл рядом медленно. Седины на морде стало больше. Задние лапы после сна слушались не сразу.

Лиза старалась не смотреть слишком долго.

У крайней палатки сидел Саймон. Доска на коленях, уголь в пальцах.

За шесть лет он нарисовал сотни коридоров, лестниц, шлюзов и помещений без окон. Сам говорил, что не знает, откуда они берутся.

Лиза ему верила.

То есть решила верить.

Сегодня в центре рисунка был квадрат. Дважды обведённый. К нему шли три линии.

— Что это?

— Не знаю.

— Где?

— Не знаю.

Она потянулась за листом.

И увидела короткий взгляд.

Саймон посмотрел именно на её руку. Осмысленно. На долю секунды.

Потом глаза снова стали пустыми.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

Лиза свернула рисунок и убрала за пояс.

К полудню вернулся Юрген.

Он привёз Веста.

Того трясло от жара.

— Где был? — спросила Лиза.

— Поселение у старой дороги, — ответил Юрген. — Девятнадцать мёртвых. Похоже, убили друг друга.

Веста положили отдельно.

Через несколько часов он пришёл в себя.

— Я чуть Рему палец не откусил, — сказал он.

— Помнишь?

— Кусками.

— Почему?

Вест долго смотрел в стену.

— Потому что он был врагом.

— Рем?

— Я его люблю как брата.

Он закрыл глаза.

— Тогда не любил.

К вечеру жар поднялся снова. Вест бросился на охрану.

Его связали.

Лиза стояла у входа и смотрела, как знакомый человек рвёт верёвку зубами.

Юрген достал старую книжку.

Лиза увидела страницы с прежними регуляциями.

Имена постепенно исчезали. Сначала были «семьи», потом «контактные», потом просто числа.

В какой-то момент она сама перестала писать слово «люди».

Так было проще.

Ночью она собрала ближних.

Их лица возникали перед глазами как старый список людей, которым она когда-то доверяла.

Лиза сказала себе: сначала узнать, сделал ли это Орден.

Только потом решать, что делать.

Но уже думала, сколько вооружённых взять на север.

Глава 3. Оскар. Аномалия

На столе лежали два термометра.

Оскар не доверял обоим.

Поэтому проверил третьим.

Третья колония вела себя неправильно.

Первую он исключил быстро. Вторую тоже. Третья давала устойчивое отклонение: почти та же летальность, но до угасания проходило больше времени. Больные дольше двигались. Дольше контактировали. Дольше оставались опасными.

Он перебрал возможные причины и записал:

1. Среда.
2. Температура.
3. Ошибка питания.
4. Вытяжка.
5. Перекрёстное загрязнение.
6. Ошибка маркировки.
7. Естественная мутация.
8. Преднамеренное вмешательство.

Финн поставил рядом чашку. Справа, как всегда.

Оскар давно научился доверять его рукам в лаборатории.

Человеку — меньше.

Они подняли вторую контрольную колонию.

Чистая.

— Значит, не среда, — сказал Финн.

— Значит, пока не доказано, что среда.

Оскар нашёл старую запись с собственной подписью:

ПРОВЕРЕНО. НОРМА

Дата совпадала с моментом, когда изменение уже должно было быть заметно.

Он долго смотрел на подпись.

Макс когда-то говорил: исправления нельзя прятать. Ошибка становится опаснее, когда её делают красивой.

Оскар зачеркнул слово «норма», рядом написал:

ПРОПУЩЕНО

— Макс? — спросил Финн.

Оскар не ответил.

Внизу списка добавил:

9. Причина пока неизвестна.

Финн вернулся к столу.

— С чего начнём?

Оскар подвинул ему малый блок образцов.

— С того, что можно проверить.

Глава 4. Юрген. Список

В шесть пятнадцать Юрген сидел за столом.
Карэн чинила рукав.
Отвар из нового корня был горьким.
— Пей, — сказала она.
— Пью.
Юрген отпил.
Книжка лежала рядом.
Кожа потёрлась ещё в бункерах. Она пережила снег, Архив, раскол, переезды и людей, которых Юрген больше не мог спросить, правильно ли записал их имена.
Карэн кивнула на неё.
— Опять списки.
— Всегда.
— Как там.
Он понял, что она имеет в виду Ковчег.
Не ответил.
После выхода из Ковчега провалы у Карэн не исчезли, но почти перестали усиливаться.
Оскар так и не понял, почему.
Карэн говорила, что наверху ей просто дали отсрочку.
В карантинном загоне Вест был в сознании.
— Я обещал Рему не сдохнуть раньше него, — сказал он.
— Плохое обещание.
— Знаю.
Потом жар вернулся.
Вест перестал узнавать людей.
Дёрнул кол из мокрой земли. Охранник ударил копьём в плечо. Вест даже не остановился.
На секунду глаза прояснились.
— Обещал, — сказал он.
Потом снова рванулся к человеку.
Юрген выстрелил один раз.
В грудь.
После всё сожгли: тело, одежду, верёвку.
Охранник спросил:
— Он просил?
— Да.
— Поэтому выстрелил?
Юрген посмотрел на него.
— Нет. Потому что он тебя убивал.
Вечером Лиза сказала лагерю правду: болезнь, Вест, карантин.
Не сказала только того, чего ещё не знала — откуда болезнь и причастен ли Орден.
Юрген вернулся к книжке.
Напротив Веста не поставил обычную отметку выполнения.
Написал:
Вест — умер.
Ниже:
Юрген — выстрел.

Карэн увидела.

— Зачем своё имя?

— Чтобы потом не получилось, что умер сам.

— Помогает?

Юрген посмотрел на запись.

— Нет.

К ночи по лагерю уже говорили, что люди Света отравили Веста.

Глава 5. Алекс. Шум

В два семнадцать ночи Алекс услышал шёпот на закрытой частоте.

Через час выяснил, что предатели торговали сушёными яблоками на батарейки и прятали сделку от собственных жён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.